

НАУКА СОДРУЖЕСТВО ПРОГРЕСС

ДЗВНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК ОБЪЕДИНЕННОГО ИНСТИТУТА ЯДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Газета выходит с ноября 1957 года № 18-19 (4360-4361) Четверг, 4 мая 2017 года

К 80-летию

со дня рождения В. Г. Кадышевского

5 мая исполняется 80 лет со дня рождения выдающегося российского ученого и организатора науки, академика Владимира Георгиевича Кадышевского (05.05.1937 – 23.09.2014). 12 мая в Лаборатории теоретической физики пройдут мероприятия, посвященные юбилейной дате. На четвертом этаже лаборатории состоится открытие памятной доски в комнате 436, где научный руководитель ОИЯИ работал в пос-

Их имена – в истории науки

ледние годы. Друзья, коллеги, ученики В. Г. Кадышевского выступят в конференц-зале ЛТФ на семинаре со своими воспоминаниями. Здесь же состоится презентация фотоальбома, выпущенного к юбилею ученого.

Спецвыпуск нашей газеты, посвященный юбилею, подготовлен по материалам этого альбома. Читайте воспоминания о В. Г. Кадышевском на 3–12-й страницах газеты.

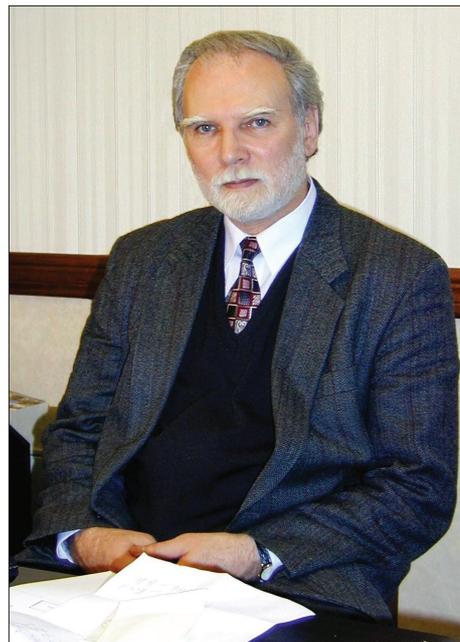
К 80-летию со дня рождения В. Г. Кадышевского

При содействии Объединенного института ядерных исследований в издательстве РМК вышла из печати книга «Академик Владимир Георгиевич Кадышевский».

Издатели выражают признательность дочери В. Г. Кадышевского Татьяне Кадышевской-Рыбниковой и ее супругу Алексею Рыбникову за помощь при подготовке издания к выпуску, а также за фотографии и документы из семейного архива, предоставленные для публикации.

При подготовке книги-альбома использованы фотографии и документы из архива ОИЯИ, из личных архивов С. В. Нестерова, В. Н. Родионова и В. А. Романова, а также фрагменты текстов из статьи «Что бы вы хотели спросить у академика Тамма?» в журнале «Природа» № 7 за 1995 год, из интервью В. Г. Кадышевского писателю В. С. Губареву «Чаепития в Академии: Дубна под особой охраной», опубликованного на сайте «Правда.ру» 15.08.2012 г.

Сегодня, в канун 80-летия со дня рождения Владимира Георгиевича, мы публикуем воспоминания, написанные для альбома его коллегами и близкими людьми.

Предисловие к альбому

Настоящий фотоальбом посвящен известному российскому физику-теоретику и организатору науки Владимиру Георгиевичу Кадышевскому (1937–2014 гг.), человеку удивительной судьбы, прошедшему путь от кадета суворовского училища до научного руководителя одного из крупнейших исследовательских центров мира.

5 мая 2017 года ему исполнилось бы 80 лет. Член Президиума Российской академии наук, академик В. Г. Кадышевский – многолетний (1992–2005 гг.) директор Объединенного института ядерных исследований, крупный специалист в области теории элементарных частиц и физики высоких энергий, – последние годы жизни был научным руководителем международного научного центра в Дубне.

Своими учителями Владимир Георгиевич считал И. Е. Тамма, Н. Н. Боголюбова, Л. Д. Ландау. Свою первую научную работу он опубликовал в возрасте 23 лет в «Докладах Академии наук». В 25 лет защитил кандидатскую диссертацию, в 31 год – докторскую, с 1970 года он – профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

В 1962 году В. Г. Кадышевский был принят на работу в Лабораторию теоретической физики ОИЯИ. Начиная с 1964 года он публикует цикл работ, посвященный ковариантной гамилтоновой формулировке квантовой теории поля. Им была разработана оригинальная диаграммная техника, которая, в отличие от известной фейнмановской техники, оперирует с амплитудами на массовой поверхности. Применение этого аппарата к задаче о взаимодействии двух релятивистских частиц позволило сократить число переменных и установить трехмерное интегральное уравнение для релятивистской амплитуды рассеяния, известное теперь в научной литературе как уравнение Кадышевского.

Многие ученики Владимира Георгиевича стали известными учеными, работали и сегодня продолжают

успешно работать в российских и зарубежных научных центрах. Он неоднократно руководил работой школ молодых ученых, международных симпозиумов и конференций. В 1978–1979 гг. В. Г. Кадышевский являлся руководителем группы ученых СССР и Объединенного института, участвовавших в проведении совместных экспериментальных исследований в ускорительном центре национальной лаборатории имени Э. Ферми в Батавии (США).

Став директором ОИЯИ не в самые благоприятные для мировой экономики годы, В. Г. Кадышевский приложил невероятные усилия по сохранению мирового уровня исследований, проводимых в Институте, участия в крупномасштабных проектах и экспериментах, осуществляемых за пределами Дубны, поддерживал новые контакты с традиционными партнерами и вовлекал во взаимовыгодное сотрудничество новых участников.

По инициативе В. Г. Кадышевского в 1994 году в Дубне был создан Международный университет природы, общества и человека «Дубна». До последних своих дней Владимир Георгиевич являлся его президентом.

Научные достижения В. Г. Кадышевского отмечены премиями НАН Украины – имени Н. М. Крылова (1990) и имени Н. Н. Боголюбова (2001), премией ОИЯИ имени Н. Н. Боголюбова (2006). Он почетный доктор многих зарубежных университетов, почетный или иностранный член ряда академий.

Владимир Георгиевич активно защищал ценности и престиж российской науки. Его отличали высокое чувство ответственности и преданность науке, целеустремленность и исключительная работоспособность. Эти качества сочетались в нем с прирожденной интеллигентностью, благодаря которой он умел ценить прекрасные стороны жизни, радоваться ей. У него был талант дружелюбия, доброго и внимательного отношения к людям. Этими качествами он заслужил у своих коллег и сотрудников Института чувство глубокого уважения и оставил о себе светлую память.

В. А. Матвеев,
директор Объединенного института
ядерных исследований

Он всегда стремился к совершенству и того же требовал от других

В этом году Владимиру Георгиевичу Кадышевскому исполнилось бы 80 лет, и прошло уже более 47 лет со времени нашего знакомства. Это было весной 1970 года. Я только что поступил в аспирантуру на физфак Тбилисского университета, и мой руководитель Нодар Сардионович Амаглобели решал вопрос моей поездки в Дубну для продолжения научной работы в одном из экспериментов, проводимых ОИЯИ. В. Г. Кадышевский приехал в Тбилиси в составе делегации ОИЯИ для участия в конференции, организованной на базе Тбилисского государственного университета. Я, только что «испеченный» аспирант, помогал в оргвопросах и, в частности, показывал гостям наш город. Владимир Георгиевич сразу покорила всех своим дружеским расположением, интеллектом, всесторонними познаниями и харизмой.

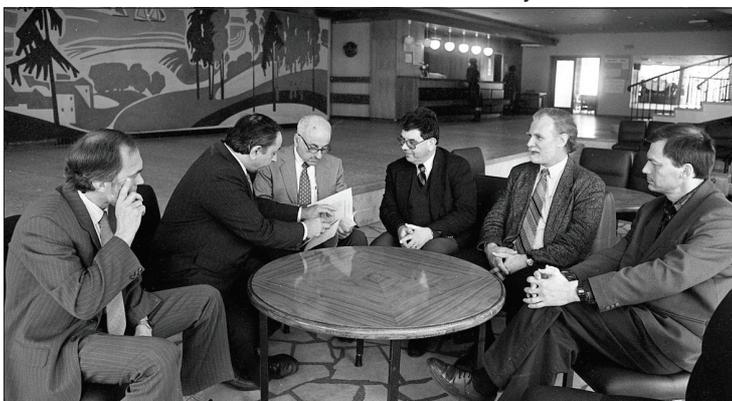
Приехав в 1971 году в Дубну, я, как и обещал, зашел в кабинет № 330 на третьем этаже ЛТФ к Владимиру Георгиевичу, и с тех пор эта комната стала местом, куда приходил каждый раз за советом, помощью и просто для дружеского общения. Володя стал моим другом, а я навсегда связал свою жизнь с ОИЯИ и с замечательным городом Дубна.

Институт, конечно же, это прежде всего люди. Владимир Георгиевич (или ВГ, как его называли друзья) воплощал в себе лучшие качества представителя этой международной научной организации: высокий интеллект, креативность, дружелюбие. Все это располагало учиться, работать, создавать и дружить. Часто обедали с ВГ в компании друзей в ляповской столовой и он обычно устраивал соревнование на скорость приема пищи. Хотя это и не всегда шло впрок, но создавало настроение. Чаще других побеждал ВГ, но иногда и мне доставались лавры первенства.

Вообще ВГ старался быть первым во всем, но и стимулировал других к соперничеству и поощрял в стремлении к лидерству. Став директором ОИЯИ, он делал все возможное, чтобы Институт оставался лидером и развивался. В труднейшие для страны и Дубны времена он поставил вопрос о Нобелевской премии для двух тесно сотрудничающих дружественных организаций, ОИЯИ и ЦЕРН. Сам процесс выдвижения на премию и сопутствующие мероприятия позволяли Институту быть на виду. И это помогало в такой трудной борьбе за ресурсы, когда другие аргументы уже не действовали.

Международное сотрудничество было для Кадышевского одним из важнейших двигателей к успехам и процветанию Института. Он очень много сил отдавал развитию отношений со странами-участницами, а стремление вернуть Китай в лоно ОИЯИ было для него одной из важнейших стратегических задач. Он использовал любую возможность при встречах в правительственных верхах, чтобы вынести этот вопрос на самый высокий уровень.

Рочестерская конференция, проведенная в Тбилиси в 1976 году, – первая крупная конференция после так называемой ноябрьской революции 1974 года, когда открыли очарованные кварки. Это был триумф кварковой модели и Стандартной модели в целом. Владимир Георгиевич был ученым секретарем конференции, и на него легло бремя решения всех нелегких проблем – формирование научной программы, организационные вопросы и политические коллизии, которых в то время было с избытком. Со свойственным ему талантом он разруливал все и создавал дружескую атмосферу и творческий настрой. Володя всегда старался расширять круг общения и заводить новых друзей. Конференции – это хорошая площадка для всестороннего общения. На конференции в Тбилиси Володя познакомил меня со многими известными учеными, в том числе с Альваро де Рухула, который выступил с легендарным докладом о кварках. С тех пор мы поддерживаем с ним дружеские отношения. Научная и во всех аспектах культурная программа конференции оставила глубокие положительные впечатления у всех, кто в ней участвовал.

Все последующие «рочестеры» мы с Володией сравнивали с тбилисским, как с реперным событием. Это были конференции в Сингапуре, Далласе, Глазго, Амстердаме, Осаке, Пекине. И почти каждый раз он знакомил своих друзей с известными учеными и представлял их в самом лучшем свете, конечно, часто переигривая.

Он всегда говорил, что лучше дать людям кредит доверия и поощрить с избытком, тем самым предоставив шанс подтянуться.

Говоря о своем научном призвании, ВГ подчеркивал, что он однолюб. Весь свой талант и энергию он посвятил проблеме минимальной длины в квантовой теории поля. Володя с увлечением отдавался творческому процессу и ценил это увлечение в других. Находя новые решения в своем поиске, он часто приглашал друзей на импровизированные семинары. Мне приходилось бывать на таких обсуждениях. Как экспериментатору многие детали мне были непонятны, но главное становилось ясным благодаря таланту докладчика.

Любовь к своим близким, прежде всего к супруге Лине и дочери Татьяне, он пронес через всю свою жизнь. Он по праву гордился своей семьей.

У ВГ было много увлечений, но музыка занимала среди них особое место. Он был не только талантливым ученым, но и одаренным от природы слушателем с абсолютным слухом. В молодости он играл на скрипке, но с возрастом такие события становились реже.

В своей повседневной работе, как и в науке, он всегда стремился к совершенству и того же требовал от других. Он никому не прощал халтуры. Любой документ, который подписывал ВГ, должен был соответствовать литературным нормам русского языка.

Володя любил общение во всех его формах и, конечно, ценил застолье, которое с его участием всегда проходило в особой дружеской атмосфере и сопровождалось интересными и познавательными дискуссиями. Он очень ценил хорошие отношения, не только с друзьями, но и с коллегами или просто знакомыми, и

делал все для того, чтобы эти отношения развивались и были приятными. Его необъятная память вмещала сотни дней рождений друзей и знакомых, он никогда не забывал их поздравить и для каждого старался найти теплые слова пожеланий.

Яркая цельная личность ВГ проявлялась во всем: в науке, в исполнении административных обязанностей и, конечно же, в дружбе. В нашей памяти Владимир Георгиевич Кадышевский навсегда остался харизматической личностью, выдающимся ученым, прекрасным товарищем и надежным другом.

Владимир Кекелидзе

Развитие ОИЯИ было главным делом его жизни

5 мая этого года Владимиру Георгиевичу исполнилось бы 80 лет. И ушел он от нас чуть более двух лет назад. Сказалось ли на его уходе из жизни разбойное нападение пьяного негодяя в августе 2013-го? Трудно сказать, но скорее всего оно не прошло бесследно. ВГ не любил об этом говорить, но, что характерно, он был сильно травмирован не серьезными ранами, которые ему были нанесены, и не утратой значительной суммы денег, а похищением тех дипломов и многочисленных наград, которых он был удостоен за свою научную, организационную и общественную деятельность. К счастью потерпевшего и к чести дубненских правоохранителей, похищенное было найдено и возвращено ВГ, а преступник задержан и понес наказание.

В целом, по моему мнению, материальные аспекты не были главенствующими в жизни Владимира Георгиевича. Коттедж, где он проживал, нуждался в ремонте, обстановка внутри была достаточно скромна и не обновлялась многие годы. К чему у хозяина жилища была явная страсть, так это к коллекционированию старинного холодного оружия и к классической музыке. Практически всегда, когда мне доводилось бывать в его доме, по телевизору транслировался канал классической музыки. И понимание, и знание музыки были присущи ВГ, по всей вероятности, с детства и со времен учебы в суворовском училище. Одним из его развлечений было загадывать название и автора произведения, звучащего по телевизору или по радио, своим собеседникам. К своему стыду должен признаться, что никогда не находился в первых рядах победителей.

Музыкальное образование и харизма позволяли ВГ легко находить общий язык с людьми разных профессий и сфер деятельности. Долгое время мы оба имели радость общения с замечательным человеком – профессором Николаем Николаевичем Цветновым. Выдающийся нейрохирург, спортсмен, участвовавший в двух Олимпийских играх, лингвист, владевший 12 иностранными языками и в последние годы жизни активно изучавший испанский, профессор Цветнов был еще и замечательным музыкантом. Виртуозно играл на балалайке и профессионально на фортепиано. Лично был знаком с Шостаковичем, Хачатуряном, Щедриным и многими другими современными классиками музыки. Мне довелось присутствовать на импровизированном мини-концерте у Кадышевского. Николай Николаевич солировал на балалайке, а ВГ играл на мандолине.

С этим знакомством связана и еще одна сюжетная линия жизни Георгиевича, как мне было позволено называть В. Г. Кадышевского в последние три года его жизни. Если какая-то идея завладевала его мыслями

и душой, он до последней возможности пытался претворить ее в жизнь. Так было с попыткой получения нашим Институтом и ЦЕРН Нобелевской премии мира. Многие известные люди были вовлечены в процесс выдвижения и поддержки этого замысла благодаря энергии ВГ и его дару убеждения. Достаточно упомянуть М. С. Горбачева – лауреата этой престижной премии, который поддерживал номинацию наших исследовательских центров. Естественно, как житель Норвегии и хорошо известный в этой стране человек, Николай Николаевич Цветнов был мобилизован ВГ для участия в этой работе. Профессор Цветнов знал и председателя Норвежского Нобелевского комитета, и некоторых из его членов. В результате на берегу одного из озер неподалеку от Осло, на даче Николая Николаевича собралась компания его знакомых, и ВГ представилась возможность в неформальной обстановке изложить доводы в пользу выдвижения ОИЯИ и ЦЕРН на премию. Да, все знают, что до настоящего времени реализовать задуманное не удалось. Но мне хотелось подчеркнуть упорство и настойчивость в работе над задачей, которую он считал важной для Института.

В целом развитие ОИЯИ было главным делом его жизни. Даже когда бюджет Института практически не позволял значительных вложений в развитие научной экспериментальной базы, Кадышевский искал возможности разработки новых крупных проектов на перспективу. Возможно, иногда это было не вполне прагматичным подходом, но это был его стиль управления. Он поддерживал людей, которые стремились реализовать идеи, казавшиеся ему перспективными. И очень переживал, когда надежды не оправдывались. На всех уровнях власти Владимир Георгиевич с убежденностью и без какого-либо опасения для себя лично принципиально отстаивал интересы Института. Одним из краеугольных камней, отличающих наш Институт от других выдающихся научных центров и организаций, является его международный статус. ВГ не раз с гордостью подчеркивал, что после распада СССР многие межгосударственные и межправительственные организации не смогли встроиться в новые реалии, тогда как ОИЯИ не просто выстоял, но обрел со временем новые черты, делающие его центром притяжения мирового научного сообщества. И с присущей ему энергией и настойчивостью он искал различные пути для развития и укрепления этого статуса. В период ослабления напряженности между КНДР и Республикой Корея, когда казалось возможным наладить конструктивный диалог между этими странами, у Кадышевского родилась идея использовать этот шанс. Она заключалась в том, чтобы обе части Кореи стали участницами ОИЯИ и через научное сотрудничество на базе международного центра начали взаимное сближение и по другим вопросам. Девиз «Наука сближает народы» был полностью созвучен мироощущению ВГ. И, как следовало ожидать, начались попытки реализации этой идеи – и через неформальные контакты представителей двух стран во время их пребывания в ОИЯИ, и через официальные органы. Так, будучи членом Президиума Российской Академии наук, Кадышевский использовал свои дружеские контакты с академиком Евгением Максимовичем Примаковым, который возглавлял в те времена МИД России. И идея была поддержана, но, к сожалению, отношения между Севером и Югом Кореи вновь перешли в фазу противостояния и практических результатов достичь не удалось.

С аналогичным энтузиазмом и упорством Владимир Георгиевич старался придать новый импульс разви-

тию отношений ОИЯИ с Китаем и Индией. Мне довелось быть вместе с ним в Пекине в составе делегации Института, участвовавшей во Всекитайской конференции национальных академий наук. ВГ принимали на самом высоком уровне, ему было отведено место в президиуме конференции. И он максимально использовал представившуюся возможность для привлечения интереса китайских коллег к сотрудничеству. Он встречался с представителями как Китайской Академии наук, так и с президентом Академии инженерных наук Китая, и с министром науки. И мне кажется, в том, что сегодня в рамках проекта NICA началось реальное практическое сотрудничество ОИЯИ и Китая, сыграли свою роль многолетние усилия Владимира Георгиевича во времена его руководства Институтом. Точно с таким же упорством он добивался развития сотрудничества и с США, Францией и многими другими государствами, которые пока не имеют формального статуса стран-участниц ОИЯИ.

И в заключение хотелось бы сказать о его таланте объяснять сложные вещи непрофессионалам в той области науки, где он был одним из ведущих специалистов. Несколько раз я попадал к нему в кабинет в Лаборатории теоретической физики, где он работал после окончания своих полномочий директора ОИЯИ, во время обсуждений проблем теоретической физики и дискуссий с коллегами. И поскольку область его интересов была очень далека от моих познаний и профессиональных навыков, то несколько раз он читал персонально для меня короткие лекции. Уровень был выбран такой, чтобы я мог вникнуть в существо проблем; например, почему, возможно, масса должна квантоваться по аналогии с полями. Или о связи геометрии и квантовой теории поля, о великих теоретиках прошлого и современности. Должен признать, делал он это с большим мастерством.

Для меня лично, как, наверное, и для многих других, Владимир Георгиевич был и остается образцом преданности науке, интеллигентности, выдержки, достоинства и упорства в достижении поставленных целей.

Александр Белушкин

Искренность и бескомпромиссность стали основой его политики

Мои первые, еще со студенческих лет, встречи с Владимиром Георгиевичем Кадышевским оставили у меня яркое впечатление необычности этого человека. Хорошо помню организованный им зачет, нам он тогда читал теорию рассеяния. И главное, чего от нас ждал, – даже не знание его предмета, а желание и способность мыслить оригинально и самостоятельно. Мне кажется, что вся наша группа студентов в Дубне была тогда очарована таким оригинальным подходом. Но это первое студенческое впечатление в дальнейшем только подтверждалось во время последующих контактов. Он действительно умел очаровывать: врож-

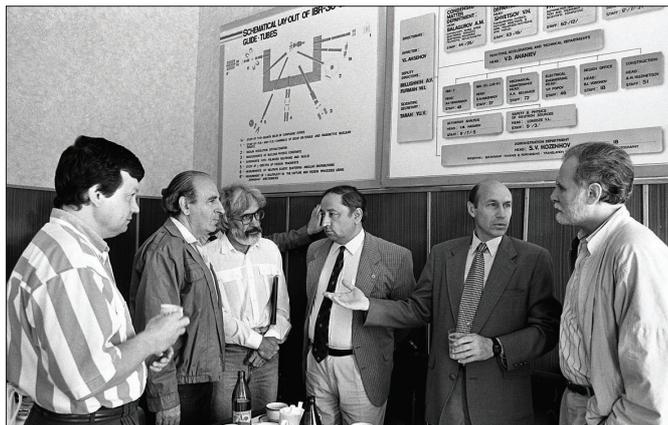
денной интеллигентностью, новыми научными идеями, глубокими знаниями в сферах, казалось бы, не вполне научных – музыки, истории...

Начало 1980-х годов стало временем организации участия ОИЯИ в большом международном суперсерийном эксперименте ДЕЛФИ. При том что этот эксперимент уже был не первым опытом сотрудничества ОИЯИ и ЦЕРН, его организация потребовала некоторого нового качества, масштаба и уровня общения с западными коллегами. Роль, которую сыграл Владимир Георгиевич в этом процессе, трудно переоценить. Его спокойный, рассудительный, но одновременно твердый подход заложил основу понимания важности приоритета именно научных задач над чисто административными, что позволило ОИЯИ в конечном счете не только с честью выполнить принятые на себя обязательства, но и внести серьезный вклад в физику мирового уровня.

В дальнейшем эти черты характера Владимира Георгиевича: искренность и бескомпромиссность в приоритете научных ценностей, – стали основой его политики на посту директора ОИЯИ. Основными задачами тех непростых для Института и его стран-участниц лет стали сохранение потенциала научных направлений ОИЯИ и проверка их истинной значимости в открытой международной политике Института.

В это время он регулярно бывал в Женеве, и я был свидетелем некоторых его встреч с руководством ЦЕРН и коллегами из экспериментов. Темы и предметы были разные, но я хорошо помню, что к нему самому и его предложениям всегда серьезно прислушивались и относились с глубоким уважением. Одним из таких эпизодов стала выставка ЦЕРН–ОИЯИ, получившая впоследствии название «Наука сближает народы» («Science Bringing Nations Together»). Задуманная и проведенная сначала в Европейском отделе ООН в Женеве как выставка фотографий Юрия Туманова, посвященных ОИЯИ, она произвела настолько сильное впечатление, что получила в дальнейшем новую жизнь в виде совместной с ЦЕРН демонстрации социальной значимости нашей науки. Выставка в разных вариантах была показана в ООН, Европарламенте, Еврокомиссии, Государственной Думе РФ, на научных школах и конференциях в странах ЦЕРН и ОИЯИ, в университетах и многих других местах. Сказать, что именно эта совместная работа положила начало новому подходу в понимании важности популяризации науки, наверное, не совсем корректно, но то, что она стала важным этапом в сегодняшней широкой известности достижений наших центров, для меня очевидно.

Хорошо известна еще одна, очень любимая Владимиром Георгиевичем фраза: «Торопитесь делать научные открытия, наука движется усилиями молодых людей». В ней сконцентрировано бережное отношение Владимира Георгиевича к молодежи, одновременно отеческое и в то же время признающее равенство. С 2003 года он стал заведующим кафедрой физики элементарных частиц МГУ, и его встречи со студентами помогли многим молодым людям найти свое место в науке. В этой части своей работы он также культивировал и ценил самостоятельность, ори-

гинальность и ориентацию на самые высокие поставленные цели. Думаю, что многим из студентов запомнились его выступления на физическом факультете МГУ, организованные с его помощью экскурсии в ЦЕРН, спецкурсы и факультативы, которые отражали самое современное состояние науки и давали возможность получения практических навыков, необходимых в научной работе.

Александр Ольшевский

Главным был простой принцип: не навреди

С Владимиром Георгиевичем Кадышевским я проработал все те годы, когда он был директором Объединенного института ядерных исследований. Ранее мы также не раз пересекались, в основном по общественно-политическим делам, на научных конференциях или в комиссиях, которые создавались для контроля деятельности администрации Объединенного института. Поэтому я с пониманием отнесся к приглашению Владимира Георгиевича поработать в одной из четырех групп экспертов, которые он создал в августе 1992 года после своего избрания на пост директора Института с целью оценки текущей ситуации в административно-хозяйственных делах ОИЯИ. Однако был удивлен, когда он настойчиво стал приглашать меня в команду, которую создавал для руководства Институтом. У меня в те годы была интересная научная работа, связанная с созданием Ускорительно-накопительного комплекса в Протвино, с проектированием ускорительных систем для Большого адронного коллайдера в ЦЕРН и для Сверхпроводящего суперколлайдера в США. Работа в административных структурах ОИЯИ меня не привлекала. Владимир Георгиевич был настойчив. Он умело использовал широкий арсенал возможностей для достижения своей цели. В итоге уже в сентябре я начал официально работать в команде Кадышевского. Вот это качество Владимира Георгиевича – целеустремленность и владение широким арсеналом методов для решения поставленной им задачи – я считаю необходимым отметить. При этом он действовал как профессиональный математик, выстраивая логически обоснованную цепочку последовательных шагов для решения возникшей задачи. Во время мозгового штурма он всячески стимулировал участников обсуждений к генерации идей и предложений. Но если видел отклонение от заданного направления обсуждения, высказывался жестко: «Не надо вить веревочку». Вить веревочку предпочитал сам.

Владимир Георгиевич полагал необходимым план действий и сопутствующие документы оформлять красиво, добиваться их совершенства. Считал, что документ должен быть безупречным в орфографическом и стилистическом аспектах. Многим знакомы предельно требовательные критерии Кадышевского к документам, письмам, приказам. Я видел даже слезы, был свидетелем весьма эмоциональных переживаний. Но Владимир Георгиевич в подобных делах был тверд и непреклонен. При этом и по отношению к себе он был также предельно требователен. Я в этом убедился с первых же дней совместной работы. Очень хорошо помню подготовку к его первой встрече с трудовым коллективом в рамках профсоюзной конференции. Обычно свои выступления он прорабатывал на основе подготовленных материалов по завершении рабочего времени или в выходные дни. Так что для меня был

обычен режим ежедневной занятости. Зачастую в кабинете Кадышевского засиживались до полуночи, а то и позже. Готовясь к упомянутому выше выступлению, он перебрал много ключевых тезисов в связи с настойчивой позицией профсоюзного руководства о необходимости закрепления уровня зарплаты сотрудников ОИЯИ в полтора раза выше нормативного показателя в стране местонахождения Института. Наконец он нашел тот тезис, который его удовлетворял. Да, он считает обоснованной позицию руководства профсоюза. Но – «никакой уравниловки». Повышенной зарплаты заслуживают лишь те сотрудники, профессиональный уровень которых в полтора раза выше национальных стандартов в странах-участницах. В номере 42 за 1992 год нашей институтской газеты «Дубна: наука, сотрудничество, прогресс» можно прочитать фрагмент его выступления: «Мне кажется, социальная справедливость должна быть проявлена, прежде всего, по отношению к хорошо работающим. Несправедливо поощрять безделье».

Обостренное отношение к предельной точности выполнения поручений, я полагаю, было следствием его суворовского воспитания в юношестве. Он часто рассказывал мне о том периоде своей жизни. Отлично помню, как он комментировал свой успех на школьной олимпиаде. Было предложено решить задачу об оптимальном пути паучка, который должен перебраться через спичечный коробок. – «Развертка!» Этим возгласом и поднятой рукой он первым обозначил свое решение. И стал победителем конкурса. Он считал, что всегда необходимо решительно стремиться только к победе. В начале 1994 года, когда был особенно трудный период в жизни ОИЯИ, он не раз мне говорил: «Да, армия в окружении. Я обязан вывести ее из окружения без потерь. Всем вместе только вперед. Убежден в успехе!» Такая позиция заворачивала наших гостей. Считалось, что наука в России в загоне. А в ОИЯИ готовят новые эксперименты, работают ускорители и реактор (и это при наличии огромного долга за потребленную электроэнергию). Но Владимир Георгиевич был убежден: «Базовые установки должны работать». И такая позиция руководства, поддержанная коллективом ОИЯИ, нашла понимание в правительстве России. Ситуация с финансами постепенно начала выправляться. Гордон Фрезер, главный редактор журнала «CERN Courier», был настолько впечатлен увиденным в ОИЯИ, что написал заметку с броским заголовком, отображающим колоссальную жизнеспособность ОИЯИ: «Dubna – the great survivor» (CERN Courier. Volume 34, № 10, декабрь, 1994).

Владимира Георгиевича всегда отличала демократичность в обсуждениях. Он спокойно и со вниманием выслушивал различные мнения. Даже когда это были мнения меньшинства или суждения расходились с позицией авторитетных экспертов. В связи с этим мне вспоминается подготовка его визита совместно с Алексеем Норайровичем Сисакяном, вице-директором ОИЯИ, к Егору Тимуровичу Гайдару, исполнявшему в конце 1992 года обязанности первого заместителя председателя правительства Российской Федерации. Большинство членов дирекции Института склонялись к мнению, что необходимо законодательно закрепить международный статус ОИЯИ, подкрепить это решение приданием территории ОИЯИ статуса свободной экономической зоны, создать преференции по налогам, закрепить дипломатический статус за членами дирекции ОИЯИ и Комитета Полномочных Представителей. И лишь два участника совещаний у Кадышевского (кстати, самые молодые по возрасту) считали, что

просьба к Гайдару с учетом реалий конца 1992 года должна быть предельно лаконичной: правительство России должно выполнять в полном объеме свои обязательства перед ОИЯИ, закрепленные в Уставе и Финансовом протоколе. В итоге Владимир Георгиевич принял решение: изложить в нескольких письмах позицию дирекции Института. Эти письма были подготовлены. Визит В. Г. Кадышевского и А. Н. Сисакина состоялся. Полученные письма, за исключением одного, Е. Т. Гайдар направил в адрес ответственных министерств с поручениями «разобраться», «проанализировать» и «для предложений». Резолюция на самом коротком и лаконичном письме была предельно ясной: «исполнить и доложить». Эта резолюция очень помогла Институту в трудные 1993–1995 годы.

Я хотел бы отметить широкий кругозор и энциклопедические знания Владимира Георгиевича. Он любил коллекционировать короткие крылатые высказывания. Зная это, многие ветераны Института делились с ним своими архивами мудрых мыслей. У Владимира Георгиевича было обостренное чутье на все существенное и яркое. В 1993 году Кадышевский во время своего визита в США заметил в официальных буклетах цитату А. П. Чехова о науке (в переводе на английский язык) в связи с обсуждением перспектив реализации проекта Сверхпроводящего суперколлайдера в США. С помощью Анны Соломоновны Гиршевой, главного редактора институтской газеты, нашли перевод и первоисточник. С этого момента во многих своих выступлениях В. Г. Кадышевский с удовольствием приводил высказывание А. П. Чехова: «Нет национальной науки, как нет национальной таблицы умножения».

С Кадышевским было очень интересно общаться. Он хорошо знал многих ведущих ученых в России и за ее пределами. Сотрудники дипломатических представительств с удовольствием приезжали в Дубну в связи со своими плановыми визитами и для того (у меня сложилось такое впечатление), чтобы пообщаться с Владимиром Георгиевичем. Эти обсуждения, затрагивавшие не только научно-организационные аспекты деятельности ОИЯИ, но и общечеловеческие научные и философские проблемы, иногда затягивались на несколько часов, продолжались за официальным обедом или ужином. Словом, получали удовольствие все участники. И всегда наши гости уезжали с хорошим настроением, с твердым убеждением в высоком научном уровне исследований в ОИЯИ, с чувством гордости за вклад стран-участниц в развитие науки и с желанием помочь Объединенному институту. Поэтому я хотел бы особо отметить чутье и умение Кадышевского находить ключевых людей, которые могли реально помочь решению возникавших проблем. Я иногда недоумевал и не сразу понимал, как и в каком контексте необходимо подготовить встречу с очередным официальным гостем ОИЯИ, нередко не имевшим даже отдаленного отношения к науке. Но когда во время встречи вырисовывались проблематика и возможные просьбы к гостю, согласовывались необходимые совместные усилия для решения возникшей проблемы, то искренне удивлялся, насколько удачен был выбор Владимира Георгиевича.

укреплять традиции коллектива, стремился создать благоприятные условия для развития ОИЯИ.

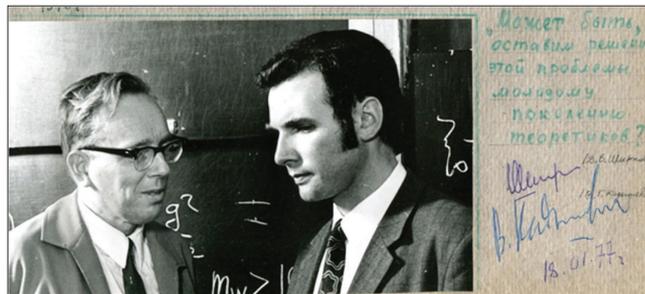
Я благодарен судьбе за представившуюся мне возможность получить бесценный опыт, за общение и совместную работу с красивым, добрым и обаятельным человеком Владимиром Георгиевичем Кадышевским.

Вячеслав Жабицкий

Его отношение ко мне и моим ровесникам было сродни отеческой опеке

Впервые я услышал о Владимире Георгиевиче, когда еще учился в школе. Мой отец, один из старейших сотрудников Лаборатории теоретической физики, всегда им восхищался и считал его самым блестящим и талантливым представителем физиков-теоретиков, пришедших в ЛТФ в начале 60-х годов. Думаю, что это было не только его мнение. Наверное, отец основывался и на мнении А. А. Логунова, с которым был в очень хороших отношениях еще со студенческой скамьи (они учились на одном курсе), и на мнении Д. В. Ширкова, который был формальным руководителем дипломной работы Владимира Георгиевича.

Надо сказать, что сам Владимир Георгиевич своим учителем в науке считал И. Е. Тамма, и это он неоднократно подчеркивал. Одновременно он всегда упоминал об огромном влиянии на него Н. Н. Боголюбова. Кроме того, Владимир Георгиевич часто любил вспоминать, как он сдавал знаменитый теорминимум самому Ландау.

Когда мне исполнилось 20 лет и я учился на 4-м курсе физического факультета МГУ, отец подарил мне известную фотографию Ю. А. Туманова, на которой был зафиксирован момент научной дискуссии В. Г. Кадышевского и Д. В. Ширкова. К фотографии была сделана приписка: «Может быть, оставим решение этой проблемы молодому поколению теоретиков?», под ко-

торой стояли автографы В. Г. Кадышевского и Д. В. Ширкова.

Глядя на эту фотографию, сразу же хочется сказать, что Владимир Георгиевич был красивым человеком. Он всегда прекрасно выглядел, был элегантно одет и подтянут. Во всем чувствовалось настоящее офицерское воспитание, полученное в суворовском училище.

Первое личное яркое воспоминание о ВГ (здесь и далее буду называть Владимира Георгиевича так, следуя принятой в школе Боголюбова традиции), относится к началу 1979 года, когда после окончания университета и поступления в аспирантуру при ИФВЭ (Протвино) я приехал в Дубну к родителям. Обычно эти приезды использовались для того, чтобы попасть в ЛТФ, посидеть в библиотеке и пообщаться с бывшими сокурсниками – стажерами ЛТФ.

В тот раз мне повезло, и я попал на научный доклад В. Г. Кадышевского, который только что вернулся из

годовой командировки во ФНАЛ (Батавия, США). ВГ рассказывал о своей новой теории «фундаментальной длины» – теории поля, сформулированной в пятимерном импульсном пространстве с постоянной кривизной. Доклад происходил в конференц-зале ЛТФ. Аудитория была полностью забита, в первых рядах сидели маститые дубненские ученые, а мы, аспиранты и стажеры, сидели на самом верху, на галерке. Председательствовал Н. Н. Боголюбов. После доклада началась дискуссия. Один из вопросов (его задал Я. А. Смородинский) звучал примерно так: «Какие принципиально новые физические эффекты предсказывает ваша теория?» ВГ ответил, но, видимо, не убедил Якова Абрамовича, который переформулировал свой вопрос. ВГ снова ответил и снова не убедил. Дискуссия начала заходить в тупик, из него надо было как-то выбираться. И тогда ВГ использовал изящную аналогию, которую я запомнил на всю жизнь как образец выхода из подобных ситуаций. Он сказал примерно следующее: пока к его новой теории надо относиться как к маленькому ребенку, который еще не окреп и не набрался сил. Вот когда ребенок подрастет и окрепнет, то тогда его и можно будет нагружать полноценной работой, то есть заставлять производить какие-либо новые физические результаты и предсказания.

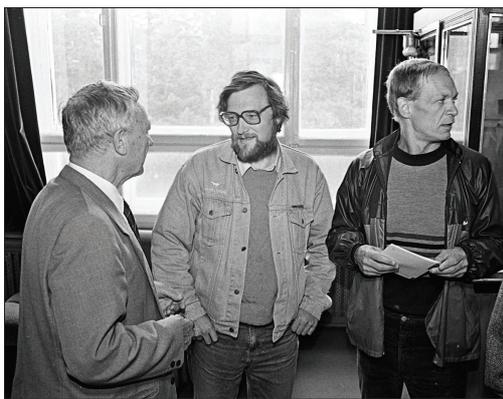
Мое личное знакомство с ВГ относится к маю 1982 года, когда я после окончания аспирантуры в Протвино, где занимался теорией релятивистских струн (в те времена эта многообещающая теория только-только зарождалась), был принят на работу в ЛТФ и зачислен в сектор В. Г. Кадышевского.

Надо сказать, что ВГ с пониманием отнесся к моим занятиям релятивистскими струнами и не стал привлекать к своим исследованиям в теории фундаментальной длины. Правда, он заставил сделать несколько семинаров в ЛТФ по результатам, полученным в теории струн. Один из таких семинаров был неформальным и происходил в его кабинете 330 на третьем этаже лаборатории. На докладе присутствовали он и его ближайшие сотрудники: Матей Матеев, Миша Чижов, Руфат Мир-Касимов и другие. Видимо я не очень хорошо рассказывал, так как в какой-то момент ВГ воскликнул: «Но это же изопериметрическая задача!» К своему стыду я тогда не знал, что это такое, и ВГ прореагировал достаточно жестко: «Вы не знаете, что

такое изопериметрическая задача?! Идите и прочитайте об этом в книгах, а потом закончите здесь свой рассказ о струнах!»

В 1987 году ВГ был избран директором ЛТФ, сменив на этом посту Н. Н. Боголюбова. В ту пору Н. Н. Боголюбов был директором Института и одновременно руководил ЛТФ. В лаборатории Николай Николаевич появлялся нечасто, и вся административная работа выполнялась его заместителями: В. Г. Соловьевым и В. А. Мещеряковым, которые к тому же были начальниками двух отделов ЛТФ. Первым решением ВГ на посту директора ЛТФ было упразднение отделов. Этот шаг был тогда абсолютно оправдан, так как объединил коллектив лаборатории в единое целое.

В стране начиналась перестройка и гласность. Многие считали, что в руководстве лабораториями ОИЯИ большую роль должны были играть научно-технические советы как совещательные органы при дирекции. Ди-

ректора лабораторий автоматически становились председателями НТС. При обновлении состава НТС теорлаборатории ВГ предложил мне выполнять обязанности ученого секретаря совета. С этого момента начинается первый период моего более тесного общения с ВГ. Он использовал НТС очень мудро. Если надо было обязательно «утопить» какой-либо вопрос, то он выносил его на НТС, а если вопрос был для него очевиден, он нередко решал его как директор, не обращаясь к мнению НТС.

Признаюсь, что исполнять обязанности ученого секретаря НТС при нем было весьма непросто. Например, приходилось по несколько раз переписывать протоколы заседаний, прежде чем он их визирует. При этом он всегда делал справедливые замечания и исправления в чрезвычайно интеллигентной и мягкой манере.

Вообще ВГ не любил, если при нем кто-то говорил по-русски неграмотно и нередко поправлял тех, кто в разговоре с ним неправильно ставил ударения. В тот период мне приходилось довольно часто посещать его директорский кабинет в ЛТФ, и после обсуждения текущих вопросов мы просто беседовали на разные темы. Однажды он усадил меня и часа два с половиной излагал основы его теории фундаментальной длины.

Как-то ВГ спросил, есть ли у меня ученики. Я ответил, что учениками пока не обзавелся. На что он сказал, что у него в моем возрасте уже было несколько защищенных кандидатов наук (напомню, что ВГ стал доктором наук в 31 год). Это прозвучало как упрек и наставление. В ответ я не нашел ничего лучшего, как дерзко сравнить его учителей со своими. ВГ улыбнулся и больше к этой теме не возвращался, тем более, что ученики в скором времени у меня стали появляться.

Будучи директором ЛТФ, ВГ очень внимательно относился к молодым теоретикам, выделял тех, кто по его мнению был талантлив, и всегда поддерживал такую молодежь. При нем на работу в ЛТФ были приняты сотрудники, которые ныне являются ведущими и признанными в мире специалистами, – Г. Корчемский, С. Шабанов, О. Теряев, С. Кривонос и другие.

В 1988 году ВГ направил меня в научную командировку в город Аспен (США) для участия в ежегодном рабочем совещании по теории струн и конформным

теориям поля. Тогда это совещание собирало лучших физиков-теоретиков со всего мира, и оно во многом определило мою дальнейшую научную судьбу. Там мне удалось пообщаться с такими корифеями как Д. Гросс, Дж. Шварц, Г. Мур, Ж. Л. Жерве и другие.

В 1992 году ВГ был избран директором ОИЯИ и находился на этом посту до 2005 года. Его роль в сохранении Института в тяжелейшие 90-е годы общеизвестна. Помню, как он однажды пришел на заседание НТС ЛТФ с информацией о состоянии дел в ОИЯИ и сообщил, что его мечта – довести среднюю зарплату ученых в Институте до 50 долларов в месяц. Мое личное общение с ВГ в эти годы было эпизодическим. В основном оно происходило на различных заседаниях и комиссиях. ВГ очень сожалел, что из-за огромной административной нагрузки у него нет достаточного времени для занятия наукой. Это его сильно расстраивало.

В 2001 году Владимир Георгиевич (который к тому моменту уже был избран академиком РАН) становится главным редактором обзорного журнала ЭЧАЯ. До этого главными редакторами ЭЧАЯ были академики Н. Н. Боголюбов и А. М. Балдин, а бессменным ответственным секретарем журнала с момента его основания был мой отец. Теперь по делам журнала ВГ тесно общался с моим отцом. В 2004 году меня ввели в состав редколлегии журнала ЭЧАЯ, и, кроме обычной работы рядового члена редколлегии, мне приходилось помогать отцу в его довольно большой технической работе по журналу, хотя нельзя сказать, чтобы тогда я был сильно загружен этой работой. И ВГ и отец старались держать меня в курсе всех дел и проблем, связанных с ЭЧАЯ.

В 2005 году, после ухода с поста директора ОИЯИ, ВГ, оставаясь научным руководителем Института, вернулся в ЛТФ и занял в лаборатории знаменитый кабинет 436 на четвертом этаже, в котором до него работали М. А. Марков и А. М. Балдин. С этого момента начинается второй период моего тесного общения с ВГ. Это общение восстановилось не сразу. В основном я заходил к нему обсудить вопросы, связанные с журналом ЭЧАЯ, либо посоветоваться по лабораторным делам. Например, когда в феврале 2012 года директор ЛТФ В. В. Воронов предложил мне стать его заместителем по научной работе, то первый человек, к кому я обратился за советом, был ВГ. Вообще его отношение ко мне в эти годы было сродни отеческой опеке. Думаю, что такое же его отношение к себе ощущали многие сотрудники ОИЯИ моего поколения. Практически каждый день, если ВГ присутствовал в лаборатории, мы вместе, небольшой компанией, обедали в столовой на площадке ЛЯП. Во время этих обедов разговоры велись на любые темы: и наука, и политика, и так называемая реформа РАН, и классическая музыка...

Вообще ВГ был очень внимательным человеком. У него сложился довольно широкий круг знакомых, которых он всегда поздравлял с днем рождения. Однажды в день моего рождения они вместе с Матеем Матеевым (Матей был не только его близким другом, но еще и одним из немногих, кто активно занимался теорией фундаментальной длины) зашли ко мне в кабинет и подарили бутылку шикарного болгарского бренди. Мы, конечно, выпили по рюмочке... Помню, как ВГ тяжело переживал трагическую гибель Матея Матеева с женой в июле 2010 года в автомобильной катастрофе.

В июле 2012 года не стало моего отца, и ВГ предложил мне занять пост ответственного секретаря журнала ЭЧАЯ, то есть выполнять работу, к которой, по-

видимому, они с моим отцом меня готовили. Я попытался отказаться, сославшись на загруженность, связанную с выполнением обязанностей заместителя директора ЛТФ и с чтением лекций в двух университетах – московском и дубненском. Но ВГ настоял, сказав, что ему комфортно со мной работать. При этом он взвалил значительную часть работы, которую выполнял мой отец, на себя.

Эти последние годы общения с ВГ мне тяжело вспоминать, так как это было совсем недавно, а боль утраты, связанная с его внезапной трагической смертью, не оставляет меня до сих пор.

Алексей Исаев

Его облик выражал образ истинного академика

Владимир Георгиевич Кадышевский... Для одних он выдающийся физик-теоретик, для других профессор МГУ, для третьих директор Объединенного института ядерных исследований. Я же хочу сегодня вспомнить несколько судьбоносных для Дубны событий, напрямую связанных с именем этого замечательного человека.

Помню, были мы вместе на совещании в одном из «высоких кабинетов», где, в частности, решался вопрос о присвоении Дубне статуса наукограда. И один из известных российских чиновников тогда заявил, что Институт живет своей жизнью и к этому статусу не имеет никакого отношения. Я тогда резко выступил, сказав, что без ОИЯИ никакого наукограда в Дубне не может быть в принципе. Я даже заявил, что мы откажемся от присвоения статуса, если в программе развития Дубны как наукограда Российской Федерации не окажется ОИЯИ. Нас услышали. А когда мы вышли из кабинета, Владимир Георгиевич пожал мне руку и сказал: «Это настоящий поступок».

Невозможно переоценить роль Владимира Кадышевского в появлении университета. Эту идею он продвигал в своей программе, когда выходил на поиск должности директора ОИЯИ, считая, что рядом с международным научным центром должен развиваться и международный университет. Идея нашла свое воплощение, а через год после основания университета В. Г. Кадышевский стал его первым президентом. Часто вспоминаю, как Владимир Георгиевич настойчиво акцентировал всеобщее внимание на международном статусе университета, предлагал сделать английский язык одним из рабочих языков преподавания.

То время, когда ему выпало возглавлять Институт, было, пожалуй, одним из самых трудных в истории ОИЯИ – наука осталась практически без финансиро-

вания. Но Владимир Георгиевич сумел не только сохранить само учреждение, но и укрепить его позиции. Он был настоящим оптимистом, и когда один из видных российских политиков задал ему вопрос о будущем Института, он сравнил его с Брестской крепостью на Волге: «Мы выстоим!». И выстояли. Сегодня ОИЯИ является одним из самых авторитетных научных центров мира.

Особая экономическая зона в Дубне тоже была проектом, который активно поддержал Владимир Кадышевский. Он умел смотреть в будущее и видеть настоящие точки роста, на которые следовало обращать самое пристальное внимание. Помню, что он назвал учреждение особой экономической зоны вторым по значимости событием в Дубне после образования Объединенного института ядерных исследований.

Хочу отметить и харизматичность личности Владимира Георгиевича. Уверен, что любой режиссер, взявшийся снимать фильм об ученых, с удовольствием отдал бы ему главную роль, – весь его облик выражал образ истинного академика. А еще в нем совмещались целеустремленность в достижении целей, преданность науке, интеллигентность, доброта и внимание к людям. Он был настоящим дубненцем и таким навсегда останется в нашей памяти.

Валерий Прох

Мы познакомились на концерте

Благодаря знакомству Владимира Георгиевича Кадышевского с Евгением Максимовичем Примаковым у меня хранится несколько книг с дарственными автографами выдающегося российского политика, с которым у директора ОИЯИ установились истинно дружеские отношения... Но не только эти счастливые приобретения заставляют меня с огромной теплотой и искренним уважением вспоминать сейчас, в канун его юбилея, в весенней Праге встречи с Владимиром Георгиевичем.

В. Г. Кадышевский был не только выдающимся ученым, но и человеком широкой культуры, знатоком музыки. Впервые я увидел его на каком-то художественном вернисаже в конце 80-х годов в Доме ученых, и он сразу привлек мое внимание. Тогда он был директором ЛТФ и довольно часто посещал выставки, концерты. Когда в 1992 году был избран директором Института, на концертах и других культурных мероприятиях стал бывать гораздо реже, фактически только на праздниках в честь Дня основания ОИЯИ. Связа-

но это было с огромной загруженностью на посту директора, потому что главной его задачей было спасение Института как международной организации после развала СССР и политических, экономических изменений в странах-участниках.

После окончания работы директором в 2005 году у Владимира Георгиевича вновь появилось время для более активного участия в культурной жизни города и Института. Мы познакомились с ним на концерте Хоровой школы мальчиков и юношей и часто встречались на этой и на других площадках. В это время я уже писал заметки для институтского еженедельника о культурной деятельности ОИЯИ, в том числе и экскурсиях Дома ученых. Наш обмен мнениями с ВГ о каком-нибудь концерте или встрече часто завершался его настоятельной просьбой: «Напишите!» В молодости он играл на скрипке и рассказал мне, что во время командировки в Италию посетил музей Паганини, и прикосновение к его скрипке было мигмом чистого счастья.

Когда ВГ что-то обещал, то данное слово выполнял. Только один раз не выполнил свое обещание. Он должен был произнести вступительное слово на празднике ветеранов, создателей атомного щита СССР, о чем его попросила заведующая универсальной библиотекой ОИЯИ. За несколько дней до праздника неожиданно для всех его уже не стало...

Антонин Яната, Прага

Из воспоминаний дочери На лирический лад

Последние 15 лет папа просто наслаждался общением с моим мужем, композитором Алексеем Рыбниковым. Как и очень многие, папа, конечно, знал и любил его прекрасные мелодии. Он очень гордился своим зятем, всем о нем рассказывал, говорил о нас: «Мои дети, мои молодые», – несмотря на то что разница в возрасте между ним и мужем всего 8 лет (нас он этим смешил, а многих страшно раздражал!). Он никогда не ленился позвонить мне и отчитаться, что вот по такой-то программе идет фильм с музыкой Рыбникова, особенно часто ему попадался романс из «Юноны и Авось» – «Я тебя никогда не забуду!»...

Вообще большая часть музыки моего мужа своим мелодизмом и печальностью всегда настраивала папу на лирический лад. Приезжая к нам в Москву или на дачу, он сразу требовал, чтобы я поставила Алешину музыку, выспрашивал, что у нас нового. Конечно, у него всегда были все диски с музыкой Рыбникова – и в машине, и в доме. Он никогда не пропускал наших премьер, и в Консерватории, и в Колонном зале Дома союзов, и в

Их имена – в истории науки

театрах. Папа подружился со всеми нашими друзьями. Так, с Мишей Кацнельсоном, нашим продюсером, они ходили на скрипичные концерты без нас. А с Иваном и Мариной Бадюлами встречались на всех праздниках. Его все любили и всегда были рады видеть, за глаза называли только «твой папочка», а так – Володечкой.

Однажды наш театр был с «Юноной» в Дубне, а после спектакля папа им всем закатил прием, пригласил в дом, читал стихи, хвалился нашей коллекцией. Не хотел отпускать ребят, разошлись они уже под утро.

Путешественник и азартный коллекционер

Папа часто старался уехать из Дубны на свой день рождения: у него с возрастом обострилась аллергия на цветение березы. За последние годы мы дважды отмечали его в Турции, один раз в Болгарии, один раз в Швейцарии... Он вообще очень любил ездить со мной за рубеж. Он немедленно, еще при пересечении границы, расслаблялся и предоставлял мне решение всех организационных вопросов. Вел себя как ребенок на экскурсии. Исключением были те поездки, когда я сопровождала его в командировках.

Одна из наиболее запоминающихся поездок была в Египет... Нас там встречали папины бывшие аспиранты, занявшие уже высокие посты. Возили повсюду, передавали с рук на руки... И в один прекрасный день мы оказались в недрах каирского рынка Хан аль-Халили. А надо сказать, что, как истинный кадет, папа обожал оружие. И постепенно втянул меня в его коллекционирование. Мы всюду выискивали старые клинки, доспехи, щиты, арбалеты. И тут нам попадают роскошные шлем, щит и алебарда, старые, все в зеленой патине, с арабской вязью...

Пытаюсь непринужденно узнать, почему... Продавец, поняв наш интерес, приглашает внутрь и называет цену. Дороговато, но это Каир! Восток! А значит,

торг необходим, иначе продавец обидится. Папа с удовольствием пьет чай, ест финики и радикально в разы снижает цену. Продавец подливает чай и не соглашается. Я скучаю. После минут 10 чаепития я ухожу в золотые ряды. Возвращаюсь с уловом минут через сорок. Папа все так же спокойно и с удовольствием пьет чай, а продавец в истерическом состоянии бьется головой о входную дверь, крича, что лучше б он умер маленьким... Я понимаю, что время еще не пришло, и исчезаю в рядах с пряностями. В итоге через час с лишним папа и торговец, оба абсолютно свежие и счастливые, расстаются, довольные друг другом. Мы уходим с покупками за смешную цену, а продавец остается с ощущением наполненного событиями дня.

День рождения как стихийное бедствие

Список людей, которым В. Г. Кадышевский регулярно рассылал новогодние и прочие поздравления, был бесконечен. И сам он получал такое же количество в ответ. А вот день его рождения был просто стихийным бедствием. Приходилось принудительно изымать у него телефон, чтобы остановить поток звонков, хотя бы на 5 минут, и успеть поднять за него тост.

Дань уважения близким

У папы была, как принято сейчас говорить, прекрасная команда. Алексей Норайрович Сисакян, впоследствии заменивший папу на посту директора ОИЯИ, Цветан Вылов, директор ЛЯП, Павел Николаевич Боголюбов, сын великого физика и одного из директоров ОИЯИ в прошлом. Всех их уже нет... Папа очень сильно переживал уход каждого из них, всегда помня дату и стараясь бывать на кладбище. Это вообще было его характерной особенностью: он помнил дни рождения и дни смерти десятков, если не сотен людей, всегда поздравлял живых и соболезновал семьям ушедших.

**Татьяна
Кадышевская-Рыбникова**